

связаны со вступлением в гражданский оборот. Их участие в гражданских правоотношениях носит вынужденный характер и связано с необходимостью реализации возложенных на них функций. Поэтому пределы участия государства в гражданских правоотношениях определяются положениями публичного права, в частности финансового.

Таким образом, установление четкой категориальной системы создает в науке финансового права тот фундамент, на котором возможно проведение дальнейших исследований и поисков. Отсюда вытекает методологическая ценность категорий науки финансового права, необходимость их применения к исследованию финансово-правовых реальностей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ
2. Покачалова Е. В. Публичный долг: теоретические и практические аспекты российского финансового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.
3. Публичные финансы Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию / под ред. А. Н. Козырина. Центр публично-правовых исследований, 2007
4. Muzellec R. Finance Public. 10-e ed. 1997. P. 273–274.
5. Годме П. М. Финансовое право. М., 1978. С. 347–348.
6. Финансовое право: учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / отв. ред. С. В. Запольский. М.: Изд-во «Контракт», «Волтерс Клувер», 2011
7. Иванов Б. Н. О системе советского финансового права // Труды ВЮЗИ. М., 1967. С. 64.
8. Грачева И. В. Государственные гарантии как способ обеспечения исполнения обязательств: финансово-правовой аспект // Юридический мир, 2007, № 1.
9. Свит Ю. П. Новация как способ прекращения обязательства // Законы России: опыт, анализ, практика, 2010. № 12.
10. Суханов Е. А. Об ответственности государства по гражданско – правовым обязательствам // Вестник ВАС РФ, № 3, 2001.
11. Крохина Ю. А. Государственный кредит и государственный долг: политические причины и правовые последствия // Финансовое право, 2003. № 2.
12. Галкин А. В. Понятие налоговой задолженности по российскому законодательству // Финансовое право, 2009. № 10.
13. Грачева И. В., Самсонова А. Е. Государственная гарантия: соотношение частноправовых и публично-правовых начал // «Финансовое право», 2006, № 9.
14. Титов А.С. Бюджетное право: учебник / под ред. Н. А. Саттаровой. М.: Деловой двор, 2009.

УДК 343.32

Лысов Николай Николаевич

О ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВАХ И ПУБЛИЧНОМ ОПРАВДАНИИ ТЕРРОРИЗМА

В статье рассмотрен вопрос об обоснованности криминализации публичных призывов и публичного оправдания террористических преступлений. Сделан ряд замечаний о необходимости изменения ст. 20.2 УК РФ.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, публичные призывы, террористическая деятельность, оправдание терроризма.

Lysov Nikolay N.

ABOUT PUBLIC APPEALS AND THE PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM

In article the question of validity of criminalization of public appeals and a public justification of terrorist crimes is considered. Made a number of remarks on need of change of art. 205.2 of the criminal code of Russian Federation.

Key words: Criminal code of the Russian Federation, public appeals, terrorist activity, terrorism justification.

Россия, в силу ее особого положения (географического, экономического, политического, национального), после распада СССР превратилась в одну из основных мишеней международного терроризма. Это обстоятельство, проявившееся в самых крайних формах, требует активизации усилий государства и общества в противодействии любым проявлениям терроризма во всех сферах

социальной жизни, всеми средствами, во всех доступных формах. В конечном итоге от уровня такого противодействия будет зависеть не только состояние национальной безопасности, но и само существование Российского государства. Сегодня мы вынуждены констатировать, что никакие самые строгие меры безопасности не могут полностью предотвратить совершение террористических акций. С завидным постоянством адские машины в клочья разносят поезда, общественные и жилые здания, унося жизни ни в чем не повинных людей, и в связи с этим жизненно необходимо искать пути борьбы с этим явлением. По данному поводу справедливо высказался Ю. М. Антонян: «Вал терроризма во всем мире обуславливает необходимость столь же активного противодействия ему, а это, в свою очередь, предполагает его интенсивное изучение» [1]. В настоящий момент терроризм в России развивается в самой опасной форме – организованной. При этом Россия столкнулась с небывалым прежде явлением, когда внутренний терроризм непредвиденно, оперативно и активно поддерживается международным террористическим движением. Международным терроризмом развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России.

Нерешенность социальных проблем, развивающийся национализм, изменение понятий о порядке и справедливости, обращение к духовному наследию политических, религиозных и других организаций экстремистского толка позволяют прогнозировать дальнейшее увеличение количества преступлений террористического характера.

Как показала теория и практика антитеррористической деятельности в нашей стране, правовое регулирование ее в России находится в стадии перманентного пересмотра, обновления и уточнения. А потому и российское уголовное право претерпевает изменения в части уголовной ответственности, предусмотренной за преступления террористического характера. Уголовно-правовые и криминологические исследования террористической деятельности в целом и террористических преступлений в частности стали, по вполне понятным причинам, одними из наиболее «популярных» в отечественной доктрине [5]. По проблемам, связанным с террористическими преступлениями, написано множество специальных трудов.

Отметим, что необходимость появления ст. 205.2 УК РФ (об ответственности за совершение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма) понятна, так как террористическая деятельность во всех ее проявлениях несет серьезную угрозу стабильности и существованию нашего (и не только) общества и государства. Яркими примерами рассматриваемого нами деяния были заявления Басаева и его сподвижников не просто о необходимости вести террористическую войну против России, а о «вынужденности» и даже «оправданности» террористических акций.

Поэтому с полной уверенностью можно говорить о том, что необходимость установления уголовной ответственности, за «публичные призывы» и «публичное оправдание» терроризма назревала давно, и именно сейчас наиболее актуально появление данной уголовно-правовой нормы.

В период активного вооруженного противостояния чеченских сепаратистов и России неоднократно отмечалось, что «средства массовой информации дают несколько искаженную информацию по событиям в Чечне... Полностью отсутствует информация об ярых антирусских настроениях... о наличии во всех сельских подворьях Чечни и Ингушетии русских рабочих-невольников...» [4].

Глубинный смысл криминализации деяния, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, состоит в том, чтобы лишить террористов возможности юридически легализовать свои действия под каким-либо благовидным предлогом (борьбы за независимость, восстановление справедливости, признания особых прав и пр.).

Преступные действия, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ, отражены в таком признаке террористической организации, как «информационное сопровождение террористической деятельности», связанной с обоснованием аргументов в пользу необходимости совершения террористических деяний, выработкой защитных мотивов, популяризацией деятельности террористов, посткриминальной дискредитацией жертвы. Многие современные авторы также отмечают значимость информационного сопровождения: террористический акт без широкой огласки – «нонсенс, террористам обязательно нужен эффект. Одной из серьезных проблем современного общества, большого насилия, является: как совместить свободу слова и информации с тем, чтобы не создавать публицити террористам» [2].

Установление уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, а также публичное оправдание терроризма в целом направлены на предупреждение более опасных преступлений террористического характера.

Обоснованность криминализации деяний, связанных с осуществлением террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, состоит в том, чтобы лишить террористов возможности юридически легализовать свои действия под каким-либо благовидным предлогом (борьбы за независимость, восстановление справедливости, признания особых прав и пр.), а также в целом направлена на предупреждение более опасных преступлений террористического характера.

Однако в диспозиции ч. 1 ст. 205.2 УК РФ введена не вполне оправданная терминологическая раздвоенность, т. к. в качестве альтернативного действия названо «публичное оправдание терроризма» (точно также законодатель поступил и в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК, говоря о финансировании терроризма). Как справедливо отмечается в литературе, терроризм представляет собой многогранное социальное явление, охватывающее не только те или иные проявления человеческой деятельности, но и образ мыслей, желаний и пр. Но, как известно, «за мысли не судят», а вот за их преступную реализацию – вполне. Поэтому более корректно в законе говорить именно о вполне определенных деяниях террористического характера (или террористической направленности).

По словам отечественных ученых, это не только борьба «за чистоту» Уголовного закона и его правильное применение (хотя это главное). Криминализация «публичного оправдания терроризма» может породить ненужные политические спекуляции относительно реформы уголовного законодательства – не секрет, что в связи с принятием Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. в СМИ уже появились сообщения о возможности использования ст. 205.2 УК в «политических целях».

Мы солидарны с позицией о том, что использование термина «терроризм» не вполне отражает сущность данной нормы, поэтому надо вести речь о публичном оправдании террористического преступления (преступлений), их «идеологии и практики» совершения. Любое террористическое преступление имеет – исходя из целей совершения – свою «идеологию», и именно оправдание последней по существу превращается в «реабилитирующую пропаганду» террористической деятельности как таковой, вне зависимости от религиозной, национальной, этнической, расовой и прочей направленности [3].

Подчеркнем, что оправдание терроризма должно обладать признаком общественной опасности, т. е. объективной способностью причинять существенный вред охраняемым общественным отношениям либо ставить их под угрозу причинения такого вреда. Иное толкование уголовного закона может привести к необоснованному привлечению к ответственности лишь при наличии формального сходства тех или иных действий с рассматриваемым преступлением. Например, при защите диссертации либо в ходе конференции по истории России между учеными может возникнуть дискуссия по поводу оправданности «красного террора», что не превращает такой диспут в уголовно наказуемое деяние именно за счет отсутствия признака общественной опасности, а также вины. Со своей же стороны отметим, что не поддерживаем позицию законодателя, использовавшего в тексте ч. 1 ст. 205.2 УК РФ термин «оправдание» вместо термина «пропаганда», рекомендованного Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма. Полагаем, что каждый человек имеет право на определенную точку зрения, в том числе на ее отстаивание в кругу других людей, а вот пропаганда той или иной позиции уже выходит за рамки обычного общения и (в рассматриваемом случае) может повлечь существенные последствия для общественной безопасности.

Литература

1. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
2. Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996.
3. Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2.
4. Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). Москва; Воронеж, 1999.
5. Устинова Т. Терроризм: некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения // Уголовное право. 2005. № 5.